

— Ну как? Класс? — самодовольно протянул Линь Гохуа. — Этот старый хрыч У Гуй живёт в квартале в самом центре города, охрана там такая, что частному детективу и близко не подступиться. Но, к счастью, у этих двоих ни стыда ни совести — выходят и заходят, особо не скрываясь. Детектив караулил снаружи и вот, что сумел снять.

Сказав это, он добавил уже между делом:

— Не только фото. Есть и видео. Всё давно лежит у меня на почте. Если хотите — могу переслать.

Чжэн Мэйлин скривилась, брови её сошлись в узкую линию:

— Не надо. Если я посмотрю ещё хоть секунду, меня стошнит. Этих снимков более чем достаточно, чтобы доказать их отвратительную связь.

— Значит, — протянул Линь Гохуа, — можно взять всё это и пойти к У Гую?

Когда Линь Гохуа впервые узнал, что Линь Сюэцэ с У Гуем вместе, его буквально выворачивало от отвращения.

Этот старый ублюдок У Гуй — почти ровесник ему самому, но выглядит ещё более дряхлым, ещё более уродливым.

И ради денег Линь Сюэцэ связался с таким стариком... стоило лишь представить это, и к горлу подступала тошнота.

Однако, придя в себя, Линь Гохуа почти сразу понял: за всей этой мерзостью скрывается колоссальная выгода.

Как бы ни был У Гуй стар и безобразен, отрицать одно было невозможно — денег у него было более чем достаточно.

С древних времён — земледельцы, ремесленники, торговцы — купцы стояли ниже всех. Даже в наше время простой бизнесмен перед настоящей знатью редко поднимает голову.

Такие местные кланы, как семья Линь, хоть и пользовались определённым уважением, прекрасно понимали: всё это лишь поверхностная вежливость. Настоящее признание даётся невероятно трудно.

Но У Гуй был другим.

Разбогатевав, он не забыл о своих корнях: зарабатывая деньги, он всё это время думал о развитии родных мест.

Когда-то Хайцзин был захолустным городишкой — не то что экономики, нормальных дорог почти не было.

У Гуй пожертвовал огромную сумму соответствующим ведомствам, ускорив строительство ключевой железнодорожной линии, а затем активно участвовал в привлечении инвестиций, совместно развивая экономику Хайцзина.

Кроме того, в его родном посёлке всех стариков старше шестидесяти лет он полностью содержал за свой счёт, избавив молодёжь от тревог за престарелых родителей.

Можно сказать, что весь Хайцзин — от верхов до простых людей — был ему искренне благодарен.

И государственные структуры не остались в долгу перед таким патриотичным предпринимателем.

Центральные участки города — те самые земли, где сейчас находятся самые оживлённые торговые центры, элитные виллы и деловые кварталы, — формально принадлежали государству. Обычным людям было недоступно даже право на их застройку, не говоря уже о покупке.

Но в благодарность за годы благодеяний эти земли в итоге были переданы У Гую по символической цене.

Теперь у У Гуя было всё: деньги, связи, влияние.

И что же для такого человека важнее всего?

Репутация.

Если бы внешнему миру стало известно, что уважаемый в деловых кругах У Гуй не только гом*сексуал, но ещё и содержит восемнадцатилетнего студента...

Стоило лишь представить эту картину, как Линь Гохуа едва сдерживал смех.

Пусть этот старик сколько угодно строит из себя влиятельную фигуру — стоит делу всплыть, и его всю оставшуюся жизнь будут тыкать пальцем в спину. О каком достоинстве тогда вообще может идти речь?

От этой мысли Линь Гохуа буквально загорелся:

— У Гуя чёткий распорядок дня. Днём он в компании, вечером лично заезжает за Линь Сюэцэ и везёт его домой. После этого они запираются на вилле и носа оттуда не показывают. Мы можем сначала отправить ему эти фотографии и поговорить. Если он проявит благоразумие — отлично. Если нет, можно переслать их Линь Сюэцэ. Уж если у парня осталась хоть капля стыда, он сам уговорит старика пойти нам навстречу.

Он самодовольно оглядел присутствующих:

— Ну как вам мой план?

Чжэн Мэйлин, выслушав его, кивнула, но ничего не сказала.

В целом мысли Линь Гохуа совпадали с её мыслями.

Однако годы, проведённые в бизнесе, подсказывали ей: человек, который способен годами держаться на вершине коммерческого мира, не из тех, кто легко склоняет голову.

Этот способ был слишком прямолинейным, слишком грубым. Он легко мог обернуться против

них — У Гуй вполне способен обвинить их в шантаже.

Нужно было что-то более изящное. Более безупречное.

Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин погрузились в молчание. Линь Цинтянь же задумчиво смотрел на фотографии, разложенные на столе.

Неизвестно, было ли дело в фотогеничности Линь Сюэцэ или в чём-то ещё, но всего за несколько дней он на снимках выглядел куда ярче, живее и притягательнее, чем в воспоминаниях Линь Цинтяня.

Если бы у Линь Сюэцэ раньше был такой цвет лица и такая внешность, даже при всей своей никчёмности он вполне мог бы выбиться в люди в индустрии развлечений.

С этой мыслью Линь Цинтянь наконец заговорил:

— У меня есть идея.

Родители одновременно повернулись к сыну.

— Через десять дней папе исполняется пятьдесят, — спокойно продолжил Линь Цинтянь. — Мы ведь изначально планировали устроить пышный юбилей и заодно официально объявить меня наследником семьи Линь, верно?

— Да, — кивнула Чжэн Мэйлин. — Как раз будут зимние каникулы, ты сможешь пригласить однокурсников. Не переживай, мы с папой обязательно дадим тебе всё самое лучшее.

Линь Цинтянь слегка улыбнулся:

— Я это знаю. Вы всегда любили меня больше всех. Но Линь Сюэцэ прожил в нашем доме восемнадцать лет. На таком мероприятии он просто обязан появиться, разве нет?

Чжэн Мэйлин чуть приподняла бровь.

— Линь Сюэцэ и У Гуй только начали быть вместе, у них сейчас самый разгар отношений. Линь Сюэцэ ушёл из дома и живёт за счёт У Гуя. В такой ситуации У Гуй почти наверняка придёт вместе с ним — чтобы поддержать его, показать всем, на чьей он стороне. Так почему бы нам тогда... не сделать так, чтобы их отношения стали достоянием общественности?

— Прямо ... достоянием общественности?! — Линь Гохуа вытаращил глаза. — Да ты с ума сошёл?! Так сразу выложить наш главный козырь — и с чем тогда идти на переговоры с У Гуем?!

Линь Цинтянь уверенно, словно уже видя исход, ответил:

— Наша семья воспитывала Линь Сюэцэ восемнадцать лет. По сути, мы — его родня. А значит, Линь Сюэцэ и есть наш самый крупный козырь.

Чжэн Мэйлин на мгновение задумалась — и тут же всё поняла.

Шантажировать У Гуя фотографиями, вынуждая его уступить, — это мелкая выгода.

Разве может это сравниться с тем, чтобы напрямую сделать их отношения достоянием общественности?

Если У Гуй признает их связь, то семья Линь автоматически станет для Линь Сюэцэ роднёй — а значит, и роднёй У Гуя.

Тогда У Гуй будет звать Линь Гохуа тестем, Чжэн Мэйлин — тёщей!

А если У Гуй не признает?..

Чжэн Мэйлин перевела взгляд на фотографии, лежащие на чайном столике.

Стоит лишь заранее пустить слухи, а затем прямо на месте вынудить У Гуя признаться. С такими доказательствами на руках — куда он денется?

Признает — всё можно красиво «отмыть» и преподнести как трогательную историю.

Не признает — значит, окончательно подтвердит, что он соблазнил и использовал студента. Пусть это и не уголовное преступление, но моральное пятно будет таким, что о серьёзном бизнесе ему можно забыть навсегда.

Увидев, что Чжэн Мэйлин колеблется всё меньше, Линь Цинтянь добавил:

— Даже если предположить худшее — что У Гуй упрётся и не признает ни при каких условиях, — мы всё равно ничего не теряем.

Он сделал паузу и холодно продолжил:

— Единственный, кто может пострадать, — это Сюэцэ. Немного репутации, небольшой урок. Но это ему же на пользу. Если У Гуй даже такую мелочь не осмелится признать, значит, и относиться к нему по-настоящему хорошо он не будет. Пусть Сюэцэ поймёт, что от старых мужчин ничего хорошего ждать не стоит. Это, по сути, спасение его жизни и формирование правильных ценностей.

Глаза Чжэн Мэйлин тут же загорелись.

Да, всё сходилось.

Если У Гуй признает — они становятся его родственниками.

Если нет — посмешищем станет лишь Линь Сюэцэ.

Ведь всем известно: Линь Сюэцэ — не их родной сын, а всего лишь подменный наследник.

Более того — если У Гуй бросит Линь Сюэцэ, тому просто некуда будет идти.

И в конце концов он всё равно вернётся обратно... в семью Линь.

А люди, которых знала Чжэн Мэйлин — даос Цзинпин и прочие, — всё ещё ждали те самые несколько чаш с кровью Линь Сюэцэ, чтобы провести обряд.

Так что план получался безупречным:

и наступать можно, и отступить есть куда.

Для семьи Линь — сплошная выгода без малейшего риска. Настоящая сделка века: ничего не вкладывая, получить всё.

— В таком случае и бояться, что У Гуй подаст встречный иск за шантаж, не придётся! — Чжэн Мэйлин с восторгом посмотрела на Линь Цинтяня. — Сынок, как тебе вообще пришла в голову такая идея? Это же гениально! Ты меня так приятно удивил!

Линь Гохуа тоже поразмыслил — и постепенно всё понял. Он хлопнул ладонью по столу:

— Это чистая открытая стратегия! У Гуя и Линь Сюэцэ просто нет выбора: согласятся — так согласятся, не согласятся — всё равно согласятся! С того самого момента, как эти двое спутались, их судьба уже не в их руках. Сын, суметь додуматься до такого — ты молодчина!

Выслушивая похвалы родителей, Линь Цинтянь мягко улыбнулся:

— Да какая тут моя заслуга. Это всё гены — я просто унаследовал ваш высокий интеллект.

Определившись с дальнейшими шагами, семья Линь в приподнятом настроении принялась за ужин.

Линь Гохуа же особенно бережно убрал фотографии со стола.

Это были не просто снимки.

Это был козырь, стоящий дороже золота.

Несколько дней спустя. Университет Н.

— Линь Сюэцэ, рассадка на итоговые экзамены уже готова.

Староста, говоря это, протянул ему лист.

Линь Сюэцэ поднял голову и потянулся за ним.

Но в тот самый момент, когда его пальцы почти коснулись бумаги, староста вдруг дёрнулся — словно к нему подносили что-то грязное — и резко отпустил лист.

Бумага скользнула по руке Линь Сюэцэ и упала на парту.

Староста на мгновение застыл, потом, встретившись с его взглядом, поспешно отвернулся, избегая зрительного контакта, и почти бегом ушёл прочь.

Рука Линь Сюэцэ повисла в воздухе. Он на секунду замер, глядя вслед убегающему, но очень быстро снова стал спокойным. Наклонился, поднял упавший лист и аккуратно убрал его в рюкзак.

После того как его имя в индустрии развлечений оказалось запятнано, однокурсники начали постепенно его сторониться.

А когда всплыла история с «настоящим» и «подменным» наследником, многие и вовсе открыто выражали к нему неприязнь прямо в лицо.

В последние дни Линь Сюэцэ всё отчётливее чувствовал: отношение окружающих стало ещё хуже.

Будто он был носителем заразы.

Он не знал, что именно произошло и почему ненависть и отчуждение вокруг него с каждым днём лишь усиливались...

Но теперь ему было всё равно.

В восемнадцать лет Линь Сюэцэ ещё мог тайком переживать из-за отчуждения одноклассников.

Линь Сюэцэ, пробудивший все свои воспоминания, уже умел встречать такое спокойно.

По сравнению с этими чужими, безразличными людьми куда больше внимания заслуживали маленькие «питомцы» дома.

С тех пор как У Гуй назвал срок, прошла уже неделя.

У Гуй говорил, что ситуация там крайне особенная и заранее невозможно предугадать, с чем им придётся столкнуться.

От этого Линь Сюэцэ разрывался между любопытством и тревогой — ему хотелось лишь, чтобы завтрашний день наступил как можно скорее.

На следующий день, после обеда, У Гуй сам сел за руль и повёз Линь Сюэцэ к месту назначения.

— Малыш, ты знаешь актрису Чжун Цинлин? — спросил У Гуй по дороге.

— Чжун Цинлин? Конечно знаю, — ответил Линь Сюэцэ.

Если бы это было в прошлой жизни, он вряд ли отличил бы кинодиву от кинозвезды.

Но в этой жизни он несколько лет проработал детским актёром, а теперь учился на актёрском факультете — не зная, чем живёт индустрия, он просто не мог.

Чжун Цинлин — сорок лет, известная актриса. Начинала с телесериалов, собрала практически все возможные телевизионные награды, а затем решила попробовать себя в кино.

Поначалу все думали, что это лишь осторожный эксперимент: несколько малобюджетных фильмов — и на этом всё закончится.

Но неожиданно авторское кино, провалившееся в национальном прокате, на зарубежных фестивалях собрало россыпь наград. А Чжун Цинлин стала первой в стране актрисой, получившей «тройную корону» международных премий.

Её имя мгновенно взлетело, статус и гонорары выросли в разы.

И как раз тогда, когда все ожидали её второго пика карьеры, Чжун Цинлин публично объявила о замужестве и беременности, заявив, что временно уходит из профессии, чтобы сосредоточиться на семье.

Новость взорвала инфопространство, несколько дней подряд удерживая первые строчки трендов, прежде чем ажиотаж начал стихать.

Общественное мнение разделилось.

Кто-то считал, что ради семьи отказываться от карьеры — глупо.

Другие же говорили, что уйти вовремя — тоже смелость.

Прошло почти шесть лет с тех пор, как Чжун Цинлин исчезла с экранов. За исключением людей из индустрии, вроде Линь Сюэцэ, большинство молодых давно уже не помнили о такой актрисе.

И потому, когда У Гуй вдруг заговорил о ней сейчас, Линь Сюэцэ не мог не насторожиться:

— Неужели... она и есть наш третий зверёк?

— Не она, — покачал головой У Гуй. — Возможно, её сын.

— Сын?.. — Линь Сюэцэ опешил.

Муж Чжун Цинлин был человеком вне индустрии. Поговаривали, что он когда-то был её поклонником и в итоге добился взаимности.

Актриса всегда тщательно оберегала частную жизнь, и фанаты, уважая это, не копались в личности её мужа. Те немногие, кто что-то знал, предпочитали молчать. Поэтому и по сей день публика имела весьма смутное представление о её семье.

Шесть лет назад Чжун Цинлин объявила о беременности. Если считать по обычным срокам, её сыну сейчас должно быть около пяти лет.

Пятилетний ребёнок...

Может ли он быть их «зверьком»?